

шести глав «Сказания», т. е. кладет начало сравнительному текстологическому изучению двух редакций начальных глав памятника. В ответе на возражения Горского Голохвастов приводит ряд новых доказательств, подтверждающих положения своей первой статьи, и указывает, что не может принять «исторической апофеозы, которой он (Палицын, — О. Д.) удостоился в половине прошлого столетия».²³

В 70-е годы XIX в. вокруг «Сказания» Палицына вновь разгорается полемика, в которой принимает участие И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров и С. Кедров.²⁴ Главная тема полемики — морально-этическая ценность личности Палицына как человека и общественно-политического деятеля. Оценка моральных качеств Палицына подменила здесь изучение идейного смысла его произведения и его самого как писателя. Литературной стороны «Сказания» указанные авторы не касаются. Работа Кедрова рисует перед нами идеальный образ Палицына и совершенно некритически относится к сведениям, которые он сообщает. Цель автора — реабилитировать Палицына и превознести его личность как патриота и как писателя. Более интересной является статья того же автора «Авраамий Палицын как писатель»,²⁵ так как здесь дается сличение редакций начальных глав и упоминается о художественных особенностях произведения. Работы Кедрова не могут удовлетворить современного исследователя и интересны лишь тем большим биографическим и историческим материалом, который в них собран. С положениями работ Кедрова удачно polemизирует Забелин в новых изданиях своей книги, вышедших в 1896 и 1901 гг.²⁶

Среди исследований о памятниках «Смутного времени», написанных учеными-историками дореволюционного периода, выделяется работа С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник».²⁷ В предисловии к этой книге исследователь отмечает не только историческое, но и литературное значение произведений начала XVII в. «Литературный характер произведений о Смуте, — читаем мы здесь, — очень разнообразен. . . Не одно повествование о фактах составляет задачу всех этих литературных памятников: среди них часто встречаются произведения публицистические и морально-дидактические, в которых фактическая сторона имеет лишь служебное значение. Такая особенность делает большую часть произведений о Смуте пригодными более для характеристики литературных мнений и движений общественной мысли в Смуту, чем для истории внешних фактов Смутного времени».²⁸

В задачу исследования Платонова, как свидетельствует он сам, не входило изучение упомянутых памятников с их литературной стороны. Он ограничивается в своей книге лишь указанием на тот или иной литературный факт, не вдаваясь в его анализ с литературной точки зрения. С этой стороны, по мнению Платонова, эти памятники ждут еще своего исследователя, так как до сих пор они служили и служат гораздо более источни-

²³ Ответ на рецензию и критику «Замечания об осаде Троицкой лавры. М., 1844» (Москвитянин, 1844, № 7).

²⁴ Н. И. Костомаров. 1) Личности Смутного времени. Вестник Европы, 1871, № 6; 2) Кто виноват в Смутном времени? Там же, 1872, № 9; И. Е. Забелин. Минин и Пожарский. Русский архив, январь, 1872; С. Кедров. Авраамий Палицын. М., 1880.

²⁵ Русский архив, 1886, № 8.

²⁶ Из второстепенных исследований, написанных в том же плане, известны: работа А. С. Сербина «Келарь Троице-Сергиевского монастыря Авраамий Палицын, знаменитый деятель, сподвижник, защитник русской земли в мрачную эпоху самозванцев» (М., 1850), статья Е. Воронцова «Сказание Авраамия Палицына» (журнал «Вера и разум», 1903 г.) и некоторые другие. Ничего нового эти работы не дают.

²⁷ С. Ф. Платонов, Сочинения, т. II, 1-е изд., 1888; 2-е изд., 1913.

²⁸ С. Ф. Платонов, Сочинения, т. II, стр. X.